
ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ МОНГОЛИИ В ЮЖНУЮ КОРЕЮ: МНЕНИЯ, СУЖДЕНИЯ, ОЦЕНКИ²

А. В. Винокурова¹, А. Ю. Ардальянова², Мунхбат Оролмаа³

¹Дальневосточный федеральный университет,
П. Аякс, 10, 690922, Владивосток, Российская Федерация
vinokurova77@mail.ru

²Дальневосточный федеральный университет,
П. Аякс, 10, 690922, Владивосток, Российская Федерация
ardy2004@mail.ru

³Монгольский государственный университет,
Ул. Университетская, 1, 14200, Улан-Батор, Монголия
munkhbat@num.edu.mn

В представленной работе рассматриваются процессы трудовой миграции из Монголии в Южную Корею. Основная целевая установка исследования – выявление мотивов трудовой миграции жителей Монголии. В качестве объекта исследования нами обозначены монгольские трудовые мигранты, имеющие опыт работы в Республике Корея. Исследование осуществлялось с опорой на количественные (анализ материалов официальной статистики) и качественные методы (неформализованные интервью с трудовыми мигрантами). В целом, главным мотивом трудовой миграции монголов является улучшение своего материального и финансового положения. Препятствуют закреплению трудовых мигрантов из Монголии в Южной Корее административные и культурные барьеры. Именно потому стратегия пребывания монгольских трудовых мигрантов является краткосрочной и, в основном, реализуется молодыми людьми.

Ключевые слова: миграционные процессы; мотивы трудовой миграции; Азиатско-Тихоокеанский регион; Республика Корея; Монголия.

Интенсивная географическая мобильность является одной из характеристик, имманентных монгольскому миру. В основе этого процесса традиционно лежали природные и экономические мотивы: кочевое скотоводство на протяжении веков было не только укладом экономики, но и образом жизни монголов [см. подробнее: 1, с. 10]. В современной Монголии формируется иной тип трансграничных миграций, но, тем не менее, ключевым мотивом для временной смены места жительства остается экономический, который тесно связан с уровнем жизни в стране, а также с условиями и возможностями, которые предлагают страны с

---

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-511-44003 «Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР»

развитой экономической инфраструктурой и высокотехнологичными отраслями производства. К последним относятся и ряд стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

В составе АТР выделяют несколько основных подсистем: океанскую, азиатскую, североамериканскую и южноамериканскую. Мы сосредоточим свое внимание на азиатской подсистеме АТР, куда входят: Россия (в первую очередь, российский Дальний Восток), Восточная Азия (в том числе и Северо-Восточная Азия, включая Монголию), Юго-Восточная Азия.

Говоря об азиатской подсистеме АТР в контексте трудовой миграции следует отметить, что она концентрирует значительную часть международных мигрантов. Так, если в 2019 году страны Восточной и Юго-Восточной Азии являлись территориями назначения для 18 296 631 чел. международных мигрантов, то в 2020 году уже для – 19 591 106 [см. подробнее: 5].

При этом общая среднегодовая численность мигрантов из Монголии в 2020 году составила 82 098 чел., из них в странах АТР – 25 633 чел. Эти данные также представлены Департаментом по социальным и экономическим вопросам ООН. В то же время, например, Министерство иностранных дел Монголии дает несколько другие оценки, по их сведениям, численность монгольских мигрантов странах АТР составляет не менее 72 100 чел. [приводится по: 3].

Следующий момент, на который важно обратить внимание: более двух третей трудовых мигрантов проживают в странах с высоким уровнем дохода. К странам АТР азиатской подсистемы с высоким уровнем доходов относят Японию, Южную Корею и Сингапур. При этом Южная Корея входит в ТОП-10 ведущих стран – отправителей денежных переводов. Доступные данные по Южной Корее показывают, что в период 2005–2015 гг. это государство не являлось ведущей страной – отправителем денежных переводов, но в 2017 году Республика Корея заняла по данному параметру 10 строчку рейтинга. Общая сумма денежных переводов из Южной Кореи в 2017 году составила 12,89 млрд долл. США [см. подробнее: 2, с. 43-44].

Таким образом, Республику Корея следует рассматривать как одно из наиболее привлекательных для трудовых мигрантов государств АТР. В частности, самая большая диаспора монгольских граждан находится именно в Южной Корее. Оценки опять же существенно разнятся. ООН приводит данные о 25 000 монгольских мигрантов, находящихся в Республике Корея. Министерство иностранных дел Монголии отмечает, что там проживает 32 000 монгольских граждан. Статистическое управление Республики Корея приводит данные, согласно которым в 2019

году численность только нелегальных монгольских мигрантов составила 17 510 чел., увеличившись по сравнению с 2018 годом на 1 591 чел. (в 2018 году этот показатель составил 15 919 чел.) [см. подробнее: 6; 7]. По общим оценкам экспертов, численность монгольских мигрантов в Республике Корея достигает 40 000–45 000 чел.

С целью анализа основных мотивов миграции трудоспособного населения Монголии, а также практик адаптации монгольских трудовых мигрантов в Южной Корее нами было проведено исследование с применением качественной методологии. Основной метод сбора информации – неформализованное интервью (n=20). Полевые работы проводились весной 2021 года с привлечением исследователей Монгольского государственного университета, а также стажеров-исследователей Дальневосточного федерального университета, находящихся в настоящее время в Республике Корея. Основным критерием для отбора информантов стал их опыт трудоустройства в Южной Корее.

Описывая свой опыт трудовой миграции в Южной Корее, информанты придерживаются единого мнения о мотивах, которые легли в основу их миграционных стратегий. Как правило, это материальный интерес, связанный с возможностью получения более высокого заработка и относительной простотой трудоустройства на хорошо оплачиваемую работу: *«хорошая оплата труда», «добиться недорого», «на заработанные деньги можно снимать жилье, неплохо жить и еще остается», «достойный заработок за короткий срок времени», «легко устроиться на более высокооплачиваемую работу», «достойная оплата труда»*. Все эти характеристики, отмечаемые нашими респондентами, подтверждаются и официальными статистическими сведениями. Так, по данным Национального статистического комитета Монголии, уровень безработицы в 2019 году составил 10%, увеличившись по сравнению с 2018 годом на 2,2% (в 2018 году этот показатель был равен 7,8%). Также высока доля лиц, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, – 28,4% [8, с. 91, с. 131]. Получается, что практически каждый третий житель Монголии живет за чертой бедности, а если учитывать тот факт, что уровень жизни населения оказывает непосредственное влияние на формирование миграционных настроений [см. подробнее: 4, с. 126], то мотив, связанный с улучшением материального положения и преодолением бедности, является ключевым в принятии решения о миграции.

Часто мигранты из Монголии используют заработок в Южной Корее для погашения существующих кредитов, строительства или приобретения своего жилья: *«... Туда уезжают люди, которые хотят быстро где-то подзаработать, достаточно большие для себя деньги. Это, в основном,*

едут за квартирами, за погашением долгов ...» (И1, жен., 34 года). Подобные высказывания наглядно иллюстрируют, что монгольским трудовым мигрантам присущ рационализм и ориентация на материальный ресурс, большая часть из которого отправляется на родину, либо используется в последующем для улучшения своего благосостояния именно в Монголии.

Несмотря на то, что многие наши информанты называют Южную Корею комфортной и безопасной страной, приводя в описании такие характеристики, как *«приятная страна», «комфортно находиться», «хорошая для жизни страна», «цветущий рай»*, все же монгольских мигрантов в Корее подстерегают определенные трудности. Их достаточно много, это проблемы с оформлением, жильем, знанием языка, взаимодействием с культурной средой, жизненным укладом, в некоторых случаях обман, гендерная дискриминация.

Попадая в трудные жизненные ситуации, связанные со здоровьем, обманом, потерей документов, монгольские трудовые мигранты чаще всего обращаются к близким людям (друзьям, товарищам и «коллегам» по работе), если складываются хорошие отношения с работодателем, то нередко обращаются к нему, но при этом достаточно распространена практика «вычитания» из заработной платы работников тех расходов, которые понесет работодатель (например, за восстановление документов или оказание медицинских услуг): *«... Упал (прим. авторов: о муже) и разбил подбородок и бровь, в больнице выставили счет, и этот счет оплатил наш саджан (прим. авторов: работодатель), но с зарплаты он с мужа все вычел. Получилось, что мы сами все и оплатили. Больше мы к саджану с какими-либо просьбами не обращаемся ...» (И6, жен., 27 лет).*

Ключевой проблемой всех трудовых мигрантов из Монголии в Южной Корее становится язык, многие информанты отмечают факт того, что даже со знанием английского языка работать очень сложно. Знание же корейского языка облегчает не только бытовое общение, но и уменьшает риск быть обманутым недобросовестным работодателем и даже зарабатывать больше, потому такую потребность ощущают практически все наши информанты: *«... Если качественно выполнять свои обязанности и иметь базовые знания языка, работать можно с любым человеком ...» (И7, муж., 28 лет).*

В целом же большинство наших респондентов говорят о том, что планируют вернуться в Монголию, объясняя свой статус в Южной Корее как временный. Несмотря на то, что в этой стране достаточно большая монгольская диаспора, информанты отмечали, что не чувствуют особого расположения со стороны принимающего сообщества.

Таким образом, становится очевидным, что главным мотивом трудовой миграции монголов является улучшение своего материального благополучия, накопление стартового капитала для дальнейшего собственного личностного развития в Монголии. Основным элементом, который препятствует закреплению трудовых мигрантов в Южной Корее, являются административные и культурные барьеры, выстраиваемые в стране государством, на наш взгляд, вполне осознанно. Получение легального статуса является сложной процедурой, а поступление на достойную работу зависит не только и не столько от «ценности» мигранта на рынке труда, а от того, насколько он включен в уклад жизни, культуру и историю Южной Кореи. Именно потому стратегия пребывания монгольских трудовых мигрантов в принимающих странах АТР, в частности в Южной Корее, является краткосрочной и, в основном, реализуется молодыми людьми.

Библиографические ссылки

1. Балдано М. Н., Дятлов В. И. Монгольский мир: типология и региональная специфика миграций и диаспор // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: сборник научных статей. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2015. С. 6–27.
2. Доклад о миграции в мире. 2020 (дата публикации: 27.11.2020) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международной организации по миграции (<https://www.iom.int/>). URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения: 13.10.2021).
3. Миграционные итоги 2016 года: куда уезжают монголы? (дата публикации: 08.02.2017) [Электронный ресурс] // ARD: [портал деловой информации]. URL: <http://asiarussia.ru/news/15137/> (дата обращения: 25.10.2021).
4. Сидорова Н. П. Влияние уровня жизни населения на формирование миграционных настроений // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 126–133. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-126-133
5. International Migration. 2020 (publication date: 12 July 2021) [Online] // DESA UN: [website]. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/undesa_pd_2020_international_migration_highlights_updated.pdf (Accessed: 13 October 2021).
6. International Migration Statistics in 2018 (publication date: 18 July 2019) [Online] // Statistics Korea: [website]. URL: <http://kostat.go.kr/portal/eng/pressReleases/8/5/index.board?bmode=read&bSeq=&aSeq=377860&pageNo=1&rowNum=10&navCount=10&currPg=&searchInfo=&sTarget=title&sTxt=> (Accessed: 10 October 2021).
7. International Migration Statistics in 2019 (publication date: 16 July 2020) [Online] // Statistics Korea: [website]. URL: <http://kostat.go.kr/portal/eng/pressReleases/8/5/index.board?bmode=read&bSeq=&aSeq=384167&pageNo=1&rowNum=10&navCount=10&currPg=&searchInfo=&sTarget=title&sTxt=> (Accessed: 10 October 2021).
8. Монгол Улсын Статистикийн Эмхэтгэл. 2019 (Монгольский статистический ежегодник. 2019) [Электронный ресурс] // Монгол Улсын Үндэсний Статистикийн Хороо (Национальный статистический комитет Монголии): [веб-сайт]. URL:

ОТЗВУК И ОТКЛИК. ТАКСОНОМИЯ СОЦИОЛОГИИ ВООБРАЖЕНИЯ

А.С. Галанзовский

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Ул. Ожешко, 22, 230023, Гродно, Беларусь
mail@grsu.by*

Научный руководитель: Аветян Н.С., кандидат социологических наук, доцент.

Изучая формирования воображения, мы сталкиваемся с необходимостью его таксономии. Если сперва этот феномен может показаться умозраительным, то чем старательнее мы проводим разграничение его атомарных форм, тем сильнее мы утверждаемся в рассмотрении пространственных ориентаций социального действия, понимания и непонимания, отзвука и отклика.

Ключевые слова: *отзвук; отклик; артефакт; образ; феномен; энаромация; воображение.*

Присутствующее и отсутствующее – это два фрагмента речи воображающего. Утверждая присутствие какого-либо явления, мы одновременно устанавливаем разнородные толкования об его отсутствии – от положения в пространстве до временных ориентаций. И это не вопрос на манер: нечто есть, или ничего нет? Напротив, вопрос ставится следующим образом: если нечто есть, почему оно может не быть?

Г. Башляр, изучая поэтические образы пространства в книге «Поэтика пространства», приходит к психологическим двойникам: отзвук и отклик. Отзвуки распространяются в различных аспектах нашей жизни в этом мире, а отклик призывает нас задуматься о глубине нашей внутренней жизни. В отзвуке мы слышим стихотворение, в отклике мы даем ему наш голос, оно становится нашим. Кажется, что бытие поэта стало нашим бытием [2, с. 15]. Стало быть, в феномене воображения (в форме регистрации) мы встречаем: во-первых, отзвук – чистый фрагмент речи, некоторая акция, исходящая от чего-либо от объекта или субъекта; во-вторых, отклик – то, что подменяет одно бытие другим, реакция или фиксация направленной от отзвука информации. Отзвук наделяет нас чистым нарративом (мифологемой, моделью а ргіогі), в отклике мы даем ему собственный голос, рефрен.

Какова судьба Отзвука? Ж. Деррида в своем эссе «Кроме имени» указывает на бинарную композицию мифа о Вавилонской башне, между Вавилоном местом (в качестве со-бытия) и какой-то невещественной